

The background of the image shows a group of soldiers in a trench, dressed in heavy, dark winter or combat gear. They are positioned in a line, some looking towards the camera. The trench walls are made of rough, weathered earth and wood. In the foreground, a large, rectangular brass medal is prominently displayed. The medal features a five-pointed star with a circular emblem in the center, containing a hammer and sickle symbol. The overall scene is dark and somber, with a focus on military history and heroism.

ВИКТОР БЫЧКОВ

ПРОВОДНИК
С ТОГО СВЕТА

Виктор Бычков

Проводник с того света

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3745055

Аннотация

Место действия: граница Белоруссии и России.

Время действия: лето-осень 1941 года.

Лейтенант Прошкин выходит из окружения. Спасает пятимесячную девочку, которую выбросила мать перед расстрелом. Становится свидетелем массового расстрела евреев. Помогает девушке Гиле спастись из могилы. По решению штаба партизанского отряда офицер выводит за линию фронта из оккупированной территории группу евреев. Во время следования встречают помощь и поддержку со стороны местных жителей, а так же и предательство. Лейтенант Прошкин и девушка Гиля полюбили друг друга.

Повесть написана классическим русским языком, читается легко и увлекательно, открывая неизвестные страницы в истории страны.

Содержание

1	4
2	20
3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Виктор Бычков

Проводник с того света

1

Ванька бежал, как никогда еще не бегал! Позади подгоняли лай немецких овчарок, трескотня автоматов, гортанные крики и команды на чужом языке. Длинная винтовка с прижатым штыком то и дело касалась прикладом земли, прыгала, вырывалась из рук, штык цеплялся за кусты и ветки. Дыхание сбивалось, пот заливал глаза, силы заканчивались, только все еще раскрытый рот пытался втянуть в себя хоть чуточку воздуха, а его уже не хватало. Глаза перестали различать дорогу, ярко-оранжевые круги замелькали, наслаиваясь один на другой, туманили сознание, ноги становились тяжелыми, чужими, не хотели слушаться: еще кое-как представлял их и сам удивлялся этому.

– Ванек, беги, беги, сынок! – это его товарищ сержант Сизов кричит.

Голос дяди Толика вернул Ивана в жестокую реальность: на мгновение остановился, оглянулся назад, перевел дыхание.

– Беги, беги, Ваня! – помкомвзвода уже лежал за толстым стволом поваленной березы, снимал с пояса гранаты, при-

страивал удобней винтовку.

– Прощай, сынок, не поминай лихом! – и выстрелил куда-то в лес, туда, где лаяли собаки, кричали немцы.

– Дядя Толя-а-а! – сил говорить, а тем более бежать уже не было, и лейтенант медленно пошел, побрел к болоту, что виднелось за редкими деревьями. Винтовка волочилась по земле, оставляя после себя бороздку на росной траве.

А позади гремела стрельба, среди которой звоном в ушах отдавались резкие, хлесткие выстрелы винтовки дяди Толика, да лай овчарок вклинивался в эту какофонию.

Уже брел по пояс в болотной жиже, когда раздался первый взрыв гранаты, винтовочные выстрелы становились все реже и реже, потом до него докатился отзвук еще одной взорвавшейся гранаты, и наступила тишина.

У Ивана хватило сил добрести по горло в воде до небольшой кочки, что приютила на себе уродливую березку с чахлыми листочками, которая каким-то чудом умудрилась зацепиться за жизнь на этом клочке земли среди длинной и жесткой осоки в огромном болоте. Обошел ее, облокотился, уронил голову на руки и заплакал, зарыдал от жалости к себе, к Сизову, который наверняка погиб, как погибла сотня сослуживцев из их мотострелковой роты. Даже когда немцы столпились на берегу в метрах пятидесяти, открыли беспорядочный огонь по болоту и пули зацокали, забулькали вокруг кочки, не перестал плакать. Его охватило полное безразличие к себе: хотелось погибнуть или уснуть навсегда вот здесь,

в трясине, только чтобы быстрее прекратился этот кошмар, который преследует вот уже больше месяца.

Очнулся оттого, что в рот попала вода, закашлялся и с ужасом почувствовал, что болото засасывает в себя, в пучину! Судорожно стал цепляться руками за осоку и только резал их, не чувствуя боли. А спасительная березка все отдалялась и отдалялась, уже никак не мог дотянуться до ствола, вода уже подошла ко рту, приходилось неимоверно вытягивать шею, чтобы глотнуть хоть чуточку воздуха, а руки все месили и месили болотную жижу у кочки.

– Ма-а-ама! – промычал с водой во рту Иван, все еще не веря в свою кончину вот здесь, в этом ужасном болоте.

Ремень винтовки скользнул с плеча прямо на руки. Удержал, вытащил винтовку, успел выплюнуть жижу изо рта, набрал как можно больше воздуха и погрузился почти по самые уши. А руки уже ухватились за приклад винтовки, глаза отыскивали березку, вот и штык коснулся ее, руки напряглись, тело чуть-чуть появилось из болота. Но этого было достаточно, чтобы перевести дух, глотнуть чистого воздуха. Опять зацепился штыком за ствол, стал вытягивать себя из трясины. Там, в воде, в месиве, умудрился скинуть сапоги, и стало легче, а вот уже и березка в руках.

Обессиленный молча лежал в жиже, обняв, ухватив намертво ствол дерева, тяжело дышал, приходил в себя. И только тут начал понимать – как хочется жить! Господи! Как хорошо видеть солнце над головой, дышать чистым возду-

хом, ощущать себя живым и здоровым! А еще совсем недавно хотелось умереть. Какая чушь! Вот и комары заявили о себе, дали почувствовать, что его тело ощущает боль, значит – оно живое.

Который час? Поднял кверху глаза – солнце находилось почти над головой. Полдень. Сколько находится здесь? От укусов комаров лицо омертвело, а еще засохшая на лице торфяная жижа стягивает его, даже глаза открываются с большим трудом.

А тогда солнце только-только взошло, когда бежал вместе со своим помощником командира взвода сержантом Сизовым. С дядей Толей.

Его, двадцатидвухлетнего выпускника пехотного училища лейтенанта Прошкина Ивана Назаровича, назначили командиром взвода в воинскую часть под Минском. Сразу после краткосрочного отпуска приехал к месту службы, где представили его взводу двадцать первого июня, а на следующее утро уже была война. И взводный только успел познакомиться со своим помощником, призванным месяц назад из запаса, сорокапятилетним сержантом Сизовым Анатолием Ивановичем. И звал его не по-уставному – дядя Толик или по имени-отчеству – Анатолий Иванович.

В то первое военное утро их гарнизон более часа бомбили немецкие самолеты, сменяя друг друга: одна волна отбомбится, на смену ей прилетает другая. Когда выдвинулись на исходные рубежи, от полка осталось не больше батальона. И

его весь день на марше бомбили с воздуха. Уцелело не более сотни бойцов вместе с выжившими командирами, да знамя полка, которое намотал на себя сержант Сизов.

Потом были бои. Иван потерял им счет, только помнит, что в последних двух боях уже командовал он, как единственный из офицерского состава полка. Правда, и людей тогда осталось всего одиннадцать человек.

Вот эту группку и выводил из окружения лейтенант Прошкин, да не успел.

Они не смогли за ночь перейти то ржаное поле и дойти вот до этого леса. Их заметили на рассвете с воздуха: какой-то одиночный самолет все кружил и кружил над красноармейцами, пока за них не принялись прибывшие на машинах солдаты с собаками. Шестеро остались там, во ржи, прикрывать товарищей, а пятеро еще успели добежать до кромки леса и принять бой.

Когда их окружали, сержант Сизов снял с себя знамя полка, помог прикрепить солдатским ремнем на тело Ивана.

– Уходи, сынок, я тебя прикрою как смогу. А ты беги. Помнишь, на карте за этим лесочком должно быть болото? Уходи в него, затаись и потом пробирайся к своим.

Какое-то время еще вдвоем пытались оторваться от немцев, бежали сквозь реденький лес, но сил уже больше не было: еще несколько минут и они оказались бы в плену. Вот тогда-то и прокричал дядя Толик:

– Беги, Ваня, беги, сынок!

Промыл водой лицо, как мог, сильно оттолкнулся от дерева, побрел обратно к берегу. Упал на твердую землю, прислушался к себе – нет, ничего не болит, только дрожь да сильная усталость разлились по всему телу. И вокруг тишина, шелест листвы на ветру да стрекот кузнечиков.

Заставил себя подойти к тому месту, где в последний раз видел сержанта Сизова. Обезображенное взрывом лицо, разбросанные вокруг личные вещи из солдатского сидора – видно, немцы ковырялись в вещевом мешке.

Далеко уходить не стал, а выбрал местечко рядом с телом погибшего, снял с пояса саперную лопатку, начал рыть последнее убежище товарищу. Уложил на дно неглубокой ямы, прикрыл плащ-палаткой и только потом присыпал землей. Долго, с любовью выравнивал могильный холмик, обстукивал ладонями, заглаживал. Еще дольше провозился, пока соорудил что-то похожее на крест из двух палок, соединенных между собой корою лозы, установил. Отыскал какой-то незнакомый ему цветок с голубыми лепестками, сорвал, воткнул в изголовье, рядом положил пилотку дяди Толика, потом все же снял с нее звездочку, немного подержал в руке, прикрепил к своей гимнастерке. На память. Подобрал с земли разбросанный бритвенный прибор Сизова, замотал в тряпицу опасную бритву и помазок, забрал с собой. Очистил от земли и мусора несколько сухарей, бросил в карман. Постоял, склонив голову у могилы товарища, потом поднял вверх, определил направление по солнцу и решительно зашагал на

ВОСТОК.

На краю леса в зарослях кустарника, что обступили собой кромку болота, разделся, снял знамя, сполоснул в чистой воде, разложил высушить на траве. Сам зашел в воду, смыл с себя торфяную жижу, простирнул исподнее, брюки, гимнастерку, развесил все на кустах, остался нагишом, подставляя тело под последние лучи заходящего солнца. Прочистил и промыл винтовку, протер сухой тряпочкой, пересчитал патроны – осталось восемнадцать штук. То же проделал и с пистолетом: две целые неизрасходованные обоймы остались лежать с начала войны, как-то не пришлось выстрелить, в бою больше доверял винтовке, в рукопашных – штыку. А пистолет так и висел в кобуре как обязательный атрибут офицера для ближнего боя и последний аргумент, последнее средство не сдаться врагу живым.

Долго выдержать не смог: комары не давали покоя, пришлось натягивать на себя волглое белье.

Для ночлега облюбовал ельник с невысокими, но густыми елочками, что плотно прижались друг к дружке. Забрался вовнутрь, под лапы, улегся на мягкий слой иголок. Отложил пилотку, напялил на голову как можно ниже, закрыв уши, щеки, уткнул лицо в расстегнутый ворот гимнастерки, уснул мгновенно, не успев даже почувствовать назойливый писк комаров.

Отныне ориентировался только по восходящему солнцу и каждый день намечал направление на ночь. В светлое вре-

мя суток предпочитал укрываться, пережить, чтобы потом наверняка пройти пятнадцать-двадцать километров, но и не упускал возможности, если местность позволяла идти днем, тогда, по его подсчетам, удавалось преодолеть и все пятьдесят километров.

Вот и сегодня решил обойти большое село днем то ли по оврагу, то ли по логу, что тянулся строго на восток вдоль грейдера в обход населенного пункта. Не очень глубокий, заросший по сторонам мелким кустарником и небольшими березнячками, он надежно скрывал Ивана от посторонних глаз. Тропинки, протоптанные по самому дну лога стадами коров, позволяли передвигаться без видимых усилий.

Уже ближе к полудню со стороны дороги услышал громкие голоса, команды на немецком языке. Вобразившись на кромку обрыва, спрятавшись за густые заросли чернобыла, увидел, как понуро брела огромная толпа мужчин, женщин, стариков и детей в окружении фашистских солдат. Унылая процессия шла вдоль оврага, что метрах в ста от Ивана подходил почти к самой дороге.

В какое-то мгновение Прошкин увидел, как из толпы в сторону оврага полетел какой-то сверток, покатился по склону, мелькнул меж небольших березок и исчез из поля зрения. В этот момент охрана почему-то метнулась на другую сторону, громче, резче стали команды.

Лейтенант ужом скользнул вниз, на дно, метнулся в то место, где упал таинственный сверток. Еще не добежал до из-

гиба, как услышал детский плач, больше похожий на писк, чем на голос ребенка. Но то, что плакал малыш, сомнений не было – это был детский плач! Так мог плакать только маленький ребенок!

Над обрывом, зацепившись за березку, лежал орущий темный сверток!

Судорожно хватаясь руками за небольшие выступы, корни деревьев, Ваня полз наверх к этому странному объекту, а он орал и орал, не переставая.

– Господи, только бы не услышали немцы, – эта мысль сверлила сознание, оттеснив собой все остальные куда-то в сторону, на второй план.

Вот, наконец, он наверху. По-пластунски заскользил между кустами к ребенку, только взяв его на руки, огляделся вокруг, вспомнил и о собственной безопасности. А ребенок, оказавшись на руках, сразу затих, успокоился. Дрожащими руками лейтенант приподнял уголок одеяльца, что прикрывал лицо младенца – из свертка на него смотрели темные глазки-миндалинки на смуглом личике.

– Этого мне только и не хватало! – на подсознательном уровне, интуитивно Иван понял, что отныне будет связан по рукам и ногам этой находкой. – Странно, очень странно, но кто и зачем выбросил дитё? – сам себе задавал вопросы и не находил ответа, недоуменно озираясь вокруг.

«Оставить его здесь? – что-то подсказывало, что так и надо сделать. Но тут же кто-то другой внутри него даже не до-

пускал такой возможности, корил того, первого, за жестокость. – Что же делать? Вот влип так влип!».

А ребенок опять захныкал, слышно было, как заворочался на руках лейтенанта, недовольно закричал.

– Не было печали, черти накачали, – откуда-то на ум пришла вдруг поговорка Ваниной мамы. – Что же делать? – сам говорил, а руки непроизвольно уже качали находку, однако ребенок продолжал хныкать, готовый вот-вот сорваться на плач. – Тихо, тихо, маленький, все будет хорошо, – другие слова почему-то никак не приходили на память. – Успокойся, мой хороший, успокойся.

Поднялся, перекинул за спину винтовку, взял ребенка на руки и медленно, тихонько стал спускаться вниз, на дно оврага, подальше от дороги. Пока шел, тот молчал, хлопал глазками-бусинками, но стоило только остановиться, как сразу же начинал крутиться, хныкать.

– Что ж тебе надо, мой хороший? – бубнил под нос Прошкин. – Наверное, мамкину сиську, да только где я ее тебе возьму? Молочка бы раздобыть.

Эта мысль понравилась ему, и вдруг осенило: там, где будет брать молоко, там же и оставит ребеночка! Вот и выход! Значит, надо идти к людям. Как же он об этом раньше не догадался?

Ваня повеселел и уже придумывал способ, как пробраться до какой-нибудь ближайшей деревушки с сердобольными и щедрыми старушками. Почему-то казалось, что если кто и

заберет ребенка, так только кто-то старенький, из пожилых, обязательно какая-нибудь бабушка.

Теперь его находка уже не молчала, и когда он шел, покачивая ее на руках, а снова плакала не переставая.

– Что ж тебе надо? Может, раскрутить тебя?

Недолго думая, выбрал местечко, хорошо освещаемое солнцем, положил сверток на траву, развернул: мокрые пеленки сразу поставили все на свои места.

– Не хочешь мокрым ходить, мой хороший? – разговаривал с ребенком, как с взрослым. – О! Девочка! – то ли удивился, то ли обрадовался Иван. – Надо же! – как будто он ожидал чего-то другого, и то, другое, могло что-то изменить.

Распеленатая малышка лежала, посматривала вокруг глазками, смешно болтала ручками и ножками, пыталась что-то гукать, тянула пальчики в рот. Прошкин развесил на кусты мокрые пеленки, молча смотрел на ребенка, обхватив голову руками.

«Куда это годится, что ж это такое – с таким довеском выходить к своим? Самому не знать, как пройти, а тут дитенок? Да-а, история, скажи кому – не поверят. Но зачем выбросили ребенка, вот вопрос? Постой, а куда гнали толпу? Кажись, военных среди них не было? Точно, не было. И ребяенок смугленький, на нерусского похож. Что ж это значит? А чем кормить его? Еще час-другой, и он потребует поесть. А что ему дать? С ума сойти! Вот влип, так влип!» – в который раз корил себя Прошкин. На всякий случай нащупал оставшие-

ся сухари в кармане, вспомнил, как кормила на вокзале цыганка своего ребенка. Тогда она завернула кусочек хлеба в марлю, смочила в воде, сунула в рот малышу. К удивлению Ивана, тот не выбросил, с аппетитом зачмокал.

Не стал откладывать такое дело на потом, а оторвал от исподней рубашки кусок тряпки, помял в руках сухарь, плотно закрутил. Смочил водой из фляжки, дал время сухарю размякнуть.

Кое-как запеленал девочку, она уже не плакала, а все водила и водила глазками вокруг, пока они не стали слипаться, и малышка уснула.

– А как же соска? – Прошкин вертел в руках свое изобретение, не зная, куда его можно приспособить. Потом аккуратно засунул под одеяльце, опять закинул винтовку за спину, взял ребенка на руки и снова зашагал по оврагу. Ношу свою нес бережно, аккуратно, стараясь не задеть ненароком за куст, не уронить. Босые ноги ступали мягко, неслышно, и опять настроение вернулось к Ивану.

«Не все так уж и плохо, черт побери! Из любой ситуации есть выход. Надо только найти его», – радужные мысли Прошкина прервали вдруг раздавшиеся впереди выстрелы. Они слышались откуда-то из лога, оттого были четкими, резкими, эхом отдавались по всему оврагу. Хорошо различал звонкие винтовочные, глухие хлопки пистолета, татаканье пулеметов, дробь немецких автоматов.

Девочка захныкала, заворочалась, Иван тут же достал са-

модельную соску с сухарями, сунул ей в рот. Она сначала крутила головкой, морщила личико, капризничала, выбрасывала её изо рта, потом все-таки зачмокала, засосала, глазки опять стали слипаться, и ребенок уснул, не выпуская соску.

– Ну вот, и успокоилась, моя хорошая. Спи, спи, красавица.

Выстрелы прекратились, только нет-нет да прозвучит хлопок пистолета. Лейтенант осторожно прошел еще немного вперед до поворота оврага, где тот круто менял свое направление, уходил вправо, расширялся настолько, что края его были на достаточно большом расстоянии друг от друга. Прижался к обрыву, выглянул из-за куста – в метрах двухстах прямо по дну лога был вырыт длинный ров. На его краю стояла толпа совершенно голых людей, Прошкин хорошо разглядел и мужчин, и женщин. Вокруг них суетились немцы, пулеметные расчеты лежали у обрыва, человек пятнадцать-двадцать солдат с винтовками и автоматами стояли напротив обнаженных смертников. По бокам, заложив руки за спину, в фуражках с высокими тульями расположились офицеры. Чуть дальше просматривался и еще один ров с длинным земляным бруствером вдоль него. Пустой.

Ошеломленный и пораженный увиденным, Ваня замер, затаив дыхание, наблюдал из укрытия, прижав девчонку к груди. Вот офицер взмахнул рукой, и опять загремели выстрелы, люди падали в ров, некоторые оставались лежать на

его краю. Тогда кто-то из солдат подходил, сталкивал труп в яму, ходили вдоль рва, стреляли уже в мертвых, добивали раненых.

Только теперь до Ивана дошло, что та группа людей, которую он видел буквально час-два назад, и есть эти смертники. И, видимо, мать этого ребенка понимала, куда их ведут, что их ожидает, выбросила свою девочку в надежде на чудо. И чудо в лице лейтенанта Прошкина случилось!

Не смея двинуться с места, наблюдал, как солдаты в спешке засыпали ров землей, несколько раз прошлись ногами сверху, утаптывая. Другие – уносили снятую с жертв одежду, предварительно сложив ее в большие, вместительные серые мешки.

Вот немцы стали собираться, потянулись наверх, к стоящим там машинам. Лейтенант обнаружил их только сейчас: закрытые кустами лозы, они не были видны с самого начала, да он и не смотрел туда до поры до времени, всё внимание было приковано к страшному месту на дне лога.

Прижавшись к обрыву, Ваня молил Бога, чтобы только не заплакала девочка, не выдала их своим плачем: по оврагу он был бы очень хорошо слышен. А она как будто понимала это, посапывала на руках с соской из сухарей во рту.

Прошкин не сразу решился подойти к тому месту, но и обойти его тоже не мог. Его маршрут пролегал как раз мимо рва, и надо было идти.

Убедившись, что машины с немцами ушли, сделал первые

робкие шаги в ту сторону. На своем коротком веку уже видел многое, но то были бои, схватки вооруженных людей, открытые столкновения с противником: он убивал и его убивали, там все ясно. Но вот здесь, у рва, на дне оврага? Что двигало убийцами? Почему одни гражданские лица? Почему голые? Что сделали они для германской армии, почему с ними так обошлись? Жуткая картина, не укладывающаяся в голове, а тут еще девочка. Как быть? Что делать?

Обходил стороной, прижимаясь к самому обрыву, а взгляд, как замороженный, был прикован к длинной ужасной могиле. Вдруг остановился пораженный – земля надо рвом дышала! Замер, не веря своим глазам, но она на самом деле шевелилась!

Перехватило дыхание, ужас сковал тело, когда увидел, как в одном месте, ближе к краю рва, движение земли стало более активным, заметным. Никогда в жизни не испытывал такого страха Иван, когда из-под земли сначала появилась кисть, а потом и вся рука, хватающая воздух.

Первым чувством, первой мыслью было бежать, бежать без оглядки, бежать, куда глаза глядят, лишь бы не видеть этого ужаса! Однако ноги вдруг стали ватными, подкосились, и лейтенант осунулся по склону – из-под земли показалась голая спина, а за ней и голова с неестественно серыми волосами, пересыпанными песком.

Застывшим взглядом с замиранием сердца смотрел Прошкин на этот ужас, огромным усилием воли заставляя

себя оставаться на месте.

2

Девятнадцатилетняя девушка Гиля только что встала из-за стола, собралась убирать посуду после завтрака, как в дом зашел местный полицай и сосед Василий Сивушков.

– Здесь проживают евреи Канторовичи? – по-хозяйски окинув взглядом комнату, взял со стола булочку, аппетитно зачавкал. – Ты понимаешь по-русски, дева? Чего молчишь?

– Дядя Вася, вы говорите, как будто мы не знакомы, – Гиля застыла посреди комнаты с посудой в руках, с недоумением взирала на мужчину. – Конечно, здесь.

– Так, во-первых, не дядя Вася, забудь это советское прошлое, а господин полицай. Понятно, морда жидовская?

– П-понятно, – от неожиданности девушка стала заикаться, дрожащими руками поставила посуду обратно на стол. – П-понятно, господин полицай.

– Где остальные? Мне нужны все Канторовичи, а то потом скажете, что я вас не предупреждал.

– Папа и мама в местечковой больнице, вы же знаете, дядя Ва... господин полицай, – Гиля уже справилась с волнением, постаралась взять себя в руки. – Остальные здесь, дома.

– Что сказал этот человек? – дедушка Шмуль, приподняв занавеску, выглянул из своей комнатушки, приложил руку к уху.

– По-русски говори, – полицай повернулся к старику. – А

то я стою как дурак, хлопаю глазами, а вы, может, стовари-
ваетесь меня убить.

– Простите его, господин полицай, он не понимает по-рус-
ски. Не обижайтесь, он добрый. Спрашивает, что вы сказали.

– Знаю я вас, добреньких, так и норовите на чужом горбу
в рай въехать. Ровно в двенадцать часов дня быть в полном
составе с вещами на площади. Приказ немецкого командо-
вания, – и направился к выходу.

– Зачем, куда? – девушка кинулась вслед ушедшему Си-
вушкову, схватила его за рукав уже во дворе. – Куда нас, за-
чем, дядя Вася? Умоляю, скажите.

– Не знаю, если честно. Велено передать, чтобы все, с ве-
щами, и чтобы без опозданий. А не то – худо будет, дева.
Германцы шутить не любят, – мгновение подумал, попра-
вил шапку и все же пояснил: – Хотя я слышал краем уха,
что отправлять вас будут осваивать новые земли в Палести-
не. Больно вы для этой цели подходите. Да, чуть не забыл, –
мужчина хлопнул себя ладонью по лбу. – Желтые повязки
должны быть обязательно.

Когда Гиля снова вошла в дом, ее уже ждали дедушка
Шмуль, бабушка Роза, жена старшего брата Бася с пятиме-
сячной дочуркой Хаей на руках.

– Все, – девушка опустила на стул, бессильно уронив
голову. – Все, – добавила через секунду.

– Что, что все? – забежали, заволновались домашние, ре-
бенок на руках у матери захныкал. – Что все, ты можешь объ-

яснить? – Бася опустилаcь перед Гилей на колени, тревожно заглядывая ей в глаза, совершенно забыв про дочь, которая разревелась, огласив дом громким детским криком.

– Успокой ребенка, – строго потребовал дедушка. – Только и умеете, что шуметь. Говори, Гиля, чтобы я слышал.

Девушка слово в слово пересказала разговор с полицаем, не забыла и про желтые повязки, которые с первого дня оккупации местечка было приказано носить всем евреям. В доме наступила тягостная тишина, которую нарушила бабушка Роза.

– Чует мое сердечко, что последний день мы видим друг друга, – и зашлась, заревела, запричитала, уткнувшись лицом в ширму.

Глядя на нее, зарыдала Бася, потом не выдержала и Гиля. Дом наполнился разноголосым плачем, причитаниями, в которых выделялся тонкий детский голосок маленькой Хаи.

– Тихо! Тихо! – дедушка Шмуль стукнул ногой по полу. – Тихо, я сказал!

Прошелся по избе, дождался, когда женщины немного успокоились, продолжил.

– Шутить с немцами не стоит, нация очень серьезная. Я сейчас схожу до раввина Фишеля, может, отблагодарить господина гебитскомиссара Пауля Вилле, и нас не станут трогать? Какой дурак откажется от подарка, особенно, если его дает бедный еврей?

Дедушка ушел, а бабушка стала срывать покрывала с кро-

ватей и складывать туда вещи. Гиля и Бася помогли ей, когда вошли мама и папа. К ним в больницу заходил начальник полиции Николай Пастушко и выгнал их домой собираться к переезду. Папа был молчалив как никогда, мама еще сдерживала себя, украдкой вытирая слезы.

– Никто не смел так обращаться с главврачом больницы, как этот Пастушко, – мама все-таки не выдержала, поделилась с домашними. – Забежал, буквально вытолкал из кабинета папу взащей, не дал даже снять халат. Хам!

– Успокойся, Ирэн, не об этом надо думать, а о том, как спастись.

– Папа, – Гиля с тревогой посмотрела на отца. – Ты думаешь, это так серьезно?

– Да, – Яков Аронович снял очки, нервно протер их носовым платком. – Надо спастись. Вчера мне говорил один пациент, что в соседней деревне расстреляли несколько еврейских семей. Я тогда не поверил, а вот сейчас у меня возникли тяжкие, тревожные предчувствия: с чего это немецким властям так заботиться о еврейском народе? Он и сам может за себя постоять. Вот что странно.

– Яков, неужели ты думаешь, что такая цивилизованная нация как немцы сделает тихим, порядочным евреям плохо? – мама не находила места, бегала по комнате, нервно перекладывая то одежду в узлах, то переставляя стулья. – Это же не лезет нив какие рамки, это же средневековье, если не первобытный строй, когда сильный поедал слабого. Но здесь

не дикари, надеюсь.

– Хватит паники, – отец решительно встал, взял Гилю и Басю под руки, отвел в сторону. – Вы сейчас же уходите из дома, пробирайтесь в соседний район в деревню Борки. Там работает врачом мой лучший друг и однокурсник Дрогунов Павел Петрович. Найдите его, скажете, что я направил вас. За ним вы будете как за каменной стеной. Все, не ждите, уходите сейчас же! – закончил в приказном тоне, не стал дожидаться согласия, считая вопрос решенным, повернулся к бабушке.

– Не надо ничего брать, если поведут, то только на расстрел.

Услышав такое, бабушка Роза опустилась на тук с одеждой, и снова заголосила. Но на этот раз никто не поддержал и не стал успокаивать: все стояли, оглушенные, подавленные и растерянные, где-то глубоко в душе не верили, не могли поверить таким чудовищным предположениям.

– Раввина Фишеля больше нет, – дедушка Шмуль зашел в дом, облокотился на посох, скорбно опустил голову. – Его душа уже там, наверху, смотрит на нас, радуется, что закончились земные страдания и начинаются наши мучения. Вот так всегда – как только нам становится трудно, раввин сразу оставляет нас одних.

– Что это значит? – Яков Аронович тормошил дедушку за плечо. – Что это значит?

– А то и значит, сынок, что раввина убили, застрелили

только что на моих глазах. Несчастный, даже не успел прочитать молитву.

Бася с Хаей на руках, Гиля с небольшим узелком с едой и кое-чем из одежды через огород пробирались к реке. Надо было перейти ее вброд, а затем уже лесом добираться до Бобруйска. В городе папин брат дядя Давид должен помочь им переправиться через Березину, чтобы потом двигаться на Борки, что находились в тридцати километрах среди огромного лесного массива. Когда-то, лет десять назад, папа возил всю семью в гости к Павлу Петровичу, однако Гиля за это время забыла дорогу туда. Тем более, что ездили они тогда на попутных машинах в кузове, а сейчас надо будет идти тайными тропами по лесам. Папа нарисовал маршрут на листке бумаги, но Гиля больше надеялась на местных жителей, которые смогут показать дорогу.

– Стой! Руки вверх! – выскочивший из кустов незнакомый полицей с винтовкой в руках встал на их пути. – Куда это вы, гражданочки?

– самодовольная улыбка расплзлась по лицу до самых ушей. – Если к нам на свидание, то мы всегда рады будем!

– О-о! Какие крали! – откуда-то взялись еще несколько человек, стали окружать девушек, а кто-то из них обхватил Гилю сзади, крепко стиснув груди.

– Хлопцы, зачем такой шанс упускать? – первый полицей уставился на Гилю, пожирал ее глазами. – Дай ее мне, Барисик, это ж кровь с молоком!

– Чур, я первый! – тот, что держал ее, рванул на ней кофточку, обнажив девичью грудь. – А ты, Ленчик, бери дружку. Я не люблю объедки.

Бася прижала к себе орущего ребенка, с дикими глазами отступала назад, в свой огород. Гиля закричала, пытаясь вырваться из лап полица. В какой-то момент ей это удалось. Оставив в руках мужчины клочок своих волос, она бросилась вслед за Басей.

– Держи их! Ату! – неслось вдогонку, попеременно с матерками и громким смехом здоровых мужиков.

Они прямо влетели в группу людей, что уже брели по улице местечка под охраной немецких солдат. Немцы тут же схватили девушек и затолкали в толпу.

– Что ж вы так? – разочарованно спросил папа, встал рядом, взяв под руки обеих. – Эх вы!

Мама забрала Хаю, стала укачивать.

– Там, там, – Бася заикалась, никак не могла отойти от пережитого, говорила несвязно, голос дрожал, срывался. Было такое впечатление, что еще чуть-чуть – и женщина упадет в обморок прямо посреди дороги.

Дедушка успел подхватить ее под руки. Гиля все натягивала и натягивала на груди порванную кофточку. Бабушка Роза сняла с себя платок, укрыла внучку.

Больше они ничего не говорили, молча брели, каждый погруженный в свои мысли. Заплакала Хая. Бася взяла ее на руки, стала кормить грудью прямо на ходу, Гиля пыталась

прикрыть её от посторонних глаз. Однако никто и не обращал никакого внимания, каждый брел со своим горем.

Когда вышли в поле, стало ясно, что ведут их к Солдатскому логу, который тянулся от местечка в сторону Бобруйска, пересекал небольшую речушку Басенку и опять бежал еще многие километры до самой Березины. В некоторых местах был узким, глубоким, с высокими обрывистыми берегами. В других местах они разбегались в разные стороны на большое расстояние, овраг тогда становился мелким, широким. Поэтому местные жители называли его кто Солдатским оврагом, кто – Солдатским логом.

Папа шел между Басей и Гилей, держал под руки, не терял надежды спасти их.

– Девочки мои, пробуйте бежать, я вас прошу.

– Как, папа? – Гиля еще не отошла от встречи с полицией, и ее мозг, ее естество еще не хотело, не могло смириться с тем, что их ожидает. – Как, папа? Вон их сколько с оружием вокруг нас. Посмотри на Басю – она не в себе.

И на самом деле: глаза молодой женщины безумно взирали на окружающих, бледная, она прижимала к груди дочку, не откликалась, не отзывалась, что-то шептала про себя.

– Я тебя прошу, девочка моя, не теряй разум, не трусь, – наставлял папа. – Старайся спастись, спастись любой ценой. Я верю в тебя, ты все сможешь.

Потом повернулся к Басе.

– Сейчас дорога вплотную подойдет к оврагу, Басенька.

Вместе с Гилей бегите в него, скройтесь. А мы начнем в толпе шуметь, отвлечем охрану.

Но Бася только глянула на свекра безумными глазами, еще крепче прижала ребенка, отрицательно потрясла головой.

А овраг уже рядом, вот почти подошел к дороге. Его пологие склоны, заросшие березняком, манили, звали к себе, но что-то удерживало Гилю, она все еще смотрела на Басю, тормозила ее, приглашая следовать за собой. Папа вместе с другими мужчинами затеял потасовку на той стороне, охранники забегали, занервничали, громче стали отдавать команды, угрожающе замахали оружием. В это мгновение Бася оторвала от себя Хаю, сильно размахнулась и бросила ребенка в овраг, в кусты.

Гиля растерялась, замерла, с ужасом наблюдая, как сверток полетел, покатился под наклон! О себе забыла, упустила момент. Охранники начали толкать в спину, уплотняя толпу, сбивая ее в общую кучу. Бася закричала диким голосом, рванулась вслед за ребенком, прямо на охранника, тот сначала оттолкнул ее, потом молча, с придыханием вогнал в нее штык. В грудь. Она еще дернулась, пытаясь сорваться, вытащить из себя стальное смертельное жало, замахала в агонии руками, даже в какой-то момент достала ногтями до убийцы и тут же осунулась, упав сначала на колени, а затем и растянулась на дороге. Немец штыком сдвинул, столкнул ее на обочину, а толпа даже не замедлила хода, только тихий гул

ужаснувшихся людей пронесся в воздухе.

Гиля прижалась, повисла на руках у папы, бессильная сделать хоть один шаг. Вдруг разом помутилось сознание, исчезли и этот солнечный день, и толпа обреченных сельчан, и она среди них, и остальные события покинули девушку, растворились где-то, не оставив и следа.

Не пришла в себя и когда ушли от этого поворота на достаточное расстояние. Какое – девушка не знала, да и не хотела знать. Дедушка и папа вели ее под руки, а она еле представляла ноги.

Сознание ничего не воспринимало, глаза смотрели, но ничего не видели, брела, как в бреду: где мама и бабушка, как и что с ними – как будто забыла о них, выпали они из её памяти.

Опомнилась, когда немцы потребовали всем раздеться – снять с себя одежду полностью, остаться нагими, голыми. Гиля еще мгновение смотрела, как обреченно обнажались люди, складывали одежду в кучи: женскую – отдельно женское нижнее белье, верхнюю одежду. Так же у мужчин. Отдельно – детскую одежду, притом мальчишки в стороне от девочек. А детей было много, удивительно много, Гиля только сейчас заметила это. Грудных ребятишек раздевали, снимая пеленки, распашонки и складывали в маленькую кучку, что лежала на отшибе, чуть в стороне.

Бабушка Роза помогала Гиле раздеться, только трусики она сняла сама. Сгорбилась, прикрывая низ живота руками,

смотрела, как обреченно, безропотно выстраивались голые, незащитные люди в какое-то подобие шеренг. И опять рядом был папа. Казалось, его это не касалось, не пугало, не терял рассудок, мог рассуждать здраво, поддерживал дочь, успокаивал. Не сразу, но до Гили стали доходить его слова.

– Старайся стать за спиной у меня. Как только дадут команду стрелять – падай, падай лицом вниз, замри, не дыши. Не теряй рассудок, ты сильная, ты все сможешь, я в тебя всегда верил.

Грудных детей вырывали из рук матерей, брали за ручки-ножки, раскачивали и по одному подбрасывали в воздух надо рвом, а солдаты и офицеры стреляли по летящему ребенку. Каждый раз это сопровождалось громким хохотом. Потом в ров бросили несколько гранат, и куски человеческих тел разлетелись вокруг, со шлепаньем падали на землю. Следом вдоль рва, на самом его краю, сначала выстроили мальчиков и девочек от трех-пяти и до десяти-одиннадцати лет лицом к яме. Расстреливали в затылок из пистолетов, спокойно передвигаясь от одного к другому. Потом – подростков до четырнадцати-пятнадцати лет. Этих расстреливали из пулеметов, группа солдат с автоматами и винтовками помогала пулеметчикам.

Оставшихся взрослых сначала заставили спуститься в ров, уложить тела уже убитых детей и подростков аккуратными рядами в штабеля и только потом выстроили в одну шеренгу вдоль могилы: убийцы во всем любили порядок.

Несколько раз вдоль шеренги обреченных прошла группа немцев, внимательнейшим образом рассматривая обнаженных людей: с мясом срывали сережки, выкручивали пальцы с кольцами, снимали другие драгоценности.

Папа стоял рядом, дедушка прижимался к Гиле с другого бока, шептал молитву. Мама с бабушкой замерли со стороны папы.

– Прощайте, прощайте, мои родные. Пусть Господь даст вам силы, – голос дедушки Шмуля долетел как сквозь вату. В сознании осталась одна, последняя мысль – упасть раньше, чем станут стрелять. Она пульсировала, отдавала молоточком в висках, только бы не упустить тот момент.

Вот расчеты залегли за пулеметами, изготовились для стрельбы солдаты – вскинули винтовки и автоматы. Папа и дедушка еще плотнее прижались к Гиле, почти полностью прикрыв ее своими телами. Она уже не видела взмаха офицера, даже его команда «Feuer!» еще не полностью была понята ею, как руки папы и дедушки столкнули ее в ров, прямо на трупы детишек.

Теплые, неостывшие, окровавленные тела снизу, бешеная стрельба, тела убитых сверху – сознание девушки помутилось, покинуло ее, и она сама смешалась, растворилась среди мертвых, ничуть не ощущая себя живой.

Очнулась, пришла в себя от тяжести, что придавила сверху, и нехватки воздуха. Со спины давило, правую руку в локте чем-то прижало, но самое ужасное – нечем было дышать.

Только теперь сознание прояснилось, и до Гили дошло, что она лежит в могиле. Охвативший ужас снова вверг ее в шок, граничащий с потерей сознания. Лицо упиралось в чье-то еще теплое, слегка шершавое и соленое тело, соленый привкус был и во рту. Даже тот мизерный воздух, что удавалось втянуть в себя, был соленым. Но не было тишины! Какой-то один тяжелый вздох сменялся на такой же тяжелый, с сипением выдох. И шевеление. Этот звук шел отовсюду – снизу, сверху, с боков. Она на секунду замирала и явственно слышала, как дышит, тяжело, с хрипом, дышит и шевелится земля!

Снова ужас и отчаяние охватили Гилю, она стала крутиться, приподнимать себя, стараясь вырваться из этого ада, из этой могилы. Руки упирались в скользкие, липкие, теплые человеческие останки, что еще мгновение назад были телами, живыми людьми; земля потихоньку осыпалась со спины, заполняя собой пространство снизу. Никак не удавалось сбросить с себя чье-то тяжелое, остывающее тело, что лежало поперек девушки, не давало выпрямиться, вдохнуть хоть капельку свежего воздуха. А она надеялась, что он именно там, вверху, сразу за этой преградой.

Теряла сознание, лежала, не помня себя – где она и что с ней. Потом вдруг разум возвращался, а с ним приходили и ужас, и оцепенение. Но именно страх двигал ею, заставлял делать хоть какие-то движения. Разом исчезли тысячелетиями приобретенные человеческие знания, интеллект, а

на смену им из глубины веков появился звериный инстинкт самосохранения. Это он вызывал, будил в ней звериное чутье, изворотливость, находил ранее неведомые физические силы, что до поры до времени дремали где-то в укромных уголках ее девичьего тела.

Легла бочком, скрючилась, подобрала под себя ноги. Голос какого-то далекого её предка руководил, подсказывал, что только в такой позе она сможет проскользнуть, проползти под лежащим сверху телом. Так оно и случилось.

Напряглась, напряглась до огненных кругов в глазах, что замелькали, закружились в смертельном хороводе; руки упирались, скользили, не находили опоры, утопали в человеческих останках, но в какой-то момент почувствовала, что поменялась со вставшей на ее пути преградой местами. И замерла, застыла, отдыхая, выковыривала языком землю изо рта, втягивала в себя такой живительный, такой желанный воздух, которого становилось все больше и больше.

Сверху уже ничто не давило, только слой земли снимал жар с ее пылающего тела. Хватило сил поднять, вытянуть руку – она качнулась в пустоте. Это был воздух! Это была свобода! Это была жизнь! Снова напряглась, заставила себя встать на колени, подняться. Почувствовала, как осыпалась земля со спины, перед глазами мелькнул дневной свет, вдохнула чистый воздух. На мгновение вернулся разум и тут же исчез, уступив место беспамятству.

3

Оцепенение лейтенанта Прошкина длилось недолго: еще не понимая, что и как надо делать, бросился к человеку, взял его на руки, положил рядом со спящим ребенком. Только теперь разглядел в нем женщину. Метнулся ко рву, как смог заделал, засыпал ногами землю в образовавшейся ямке. Ваня понимал, что надо как можно быстрее уходить с этого страшного места, пока немцы не вернулись: чуть дальше была выкопана еще одна могила, и она была пуста.

Прислонил спасенную женщину к склону оврага, похлопал её по щекам. Голова моталась из стороны в сторону, но женщина не приходила в себя, изо рта текла грязная струйка слюны. Вдруг ее начало тошнить. Она корчилась, каталась по траве, содрогаясь всем телом.

Иван снял фляжку с водой, поднес ко рту женщины. Она глотнула раз-другой и впервые осознанно посмотрела на Прошкина.

– Кто вы? Где я? – ужас отразился в ее темных, чуть навывкате глазах. – Пустите, не надо!

Вся сжалась, прикрывая свою наготу, вскрикнула.

Прошкин смотрел, пораженный ее видом: молодое, красивое, чуть-чуть смугловатое лицо и белые, нет, серые волосы! Даже брови поседели!

– Уходим! Уходим скорее! – взял на руки ребенка, помог

подняться девушке и быстро, насколько позволяли его попутчики, направился по оврагу, подальше от этого страшного, ужасного места.

Приходилось нести малышку и волочь за собой спасенную девушку. Она идти не могла, часто спотыкалась, в любой момент готовая рухнуть на землю, держалась за руку Ивана, другой – прикрывала свою наготу.

– Быстрей, быстрей! – тревожным шепотом подгонял, торопил Прошкин, поминутно оглядываясь назад. – Они могут вернуться.

Солнце палило из-за спины, вдогонку, когда лейтенант со спутницами подошли к месту, где лог раздваивался: одно ответвление уходило дальше по прямой, а другое, помельче, с небольшим ручейком по самому дну – вправо, к колку, что резко выделялся на фоне огромного пшеничного поля.

Иван свернул вправо, углубляясь в сторону лесочка, что манил к себе, притягивал своей удаленностью от мрачного лога.

Они уже были на окраине колка, когда захныкала, заворочалась девочка. Прошкин отвернул покрывало, поправил соску с сухарями – она была пуста.

– Вот тебе раз! – улыбнулся, глядя на малышку. – А еще не хотела, капризуля.

Девушка подбежала, взглянула на ребенка и вдруг осунулась на землю рядом с Иваном, протянув к малышке руки.

– Хая, Хаечка! Не может быть, Хая!

Прошкин с недоумением смотрел на девушку, но на всякий случай отгородил рукой ребенка от нее.

– Но-но, потише, гражданочка! Какая еще Хая? Я ее нашел! Иди лучше к ручью, умойся, а то ребенка напугаешь!

– Это наш, наш ребеночек, наша девочка! – протягивала руки девушка. – Моя племянница Хаечка! Бася... овраг... бросила... – упала на землю, зарыдала, сотрясаясь от плача.

– Вот оно что! – Прошкин соединил все сегодняшние события в единое целое и теперь сидел, с удивлением смотря то на ребенка, то на ее тетю. – Вот оно что! Гражданка! Гражданочка, – потрогал за плечи. – Ты долго еще нагишом бегать будешь?

– Ой! – подскочила та с земли, сжалась, прикрывая себя руками. – А что ж мне делать?

– Сначала сходи к ручью, умойся, а я что-нибудь придумаю.

Девушка убежала, лейтенант разделся, снял с себя нижнее белье, надел на голое тело галифе и гимнастерку.

– Вот теперь порядок! – довольный своей изобретательностью, принялся готовить новую соску малышке.

Пеленки сохли на ближнем кусту, когда девушка стыдливо окликнула Ваню.

– Я помылась, а что дальше?

– Вот одежда, можешь одеваться, – указал на белье, что лежало рядом с ним.

– Отвернитесь, мне стыдно, или бросьте сюда.

– Ну, цирк! Два часа мелькала передо мной голой, а тут застеснялась. На, лови! Извини, что без стирки – прачечная отстала! – добавил, не оборачиваясь к девушке.

Гиля надела на себя солдатские кальсоны, рубашку, вышла из-за куста, с ожиданием уставилась на этого незнакомца.

– А дальше что? – в который раз спросила она, смущенно потупила взор, поддергивая длинные и широкие штаны, то и дело сползающие с ее фигуры.

– Вот же бабье племя! – то ли с восхищением, то ли осуждающе произнес парень. – Только что с того света спаслась, а уже боится показаться смешной! Плюнь на все! Сейчас что-то подтянем, что-то подкатаем, и будет хоть куда. А как тебе зовут?

– Гиля, меня зовут Гиля, – почему-то повторила девушка.

– А лет тебе сколько, Гиля? – спросил Прошкин, привыкая к этому новому имени.

– Девятнадцать. В мае исполнилось девятнадцать, – уточнила она.

– Девятнадцать? А меня зовут Иван, Ваня Прошкин, – говорить что-либо о цвете ее волос не стал, смутился вдруг.

– Подойди сюда, Гиля, – попросил девушку. – Надо подвязать веревочки снизу, штрипки называются, и на поясе веревочкой стянуть. А рубашка и так сойдет, только рукава подкатай чуть-чуть.

Заплакала Хая, и Гиля кинулась к ней, взяла на руки, при-

жала к себе и горько зарыдала, вспомнив вдруг, воскресив в памяти кошмары сегодняшнего дня.

Иван какое-то время молча наблюдал за ней, потом подошел, тронул за плечи, повернул лицом к себе.

– Вот сейчас еще поплачь маленько и успокойся, – не отводил взгляда от ее заплаканных глаз. – Нам думать надо, что дальше делать. И ребенка кормить надо, – со знанием дела закончил он.

Его голос, уверенный тон не дал ей еще больше терзать себя, заставил собраться, вспомнить, где находится и что отныне она ответственна за единственного близкого ей человека на этой земле.

– На, дай ребенку, – Прошкин подал Гиле самодельную соску с последним сухарем. – Больше кормить нечем. И плакать не надо, напугаешь еще малышку.

– Хорошо. Не буду. Что это? – с недоверием смотрела на Ванькино изобретение. – Тряпку Хая не ест.

– Тогда дай ей грудь! – разозлился Прошкин. – Или приготовь ей кашку! Лучше на молочке! У меня ела, потому что другого нет, и в ближайшие часы вряд ли будет!

Гиля брезгливо взяла, долго смотрела на изжеванную тряпочку с размоченным сухарем, потом все же нерешительно поднесла ее ко рту малышки. К большому удивлению, та тут же присосалась, зачмокала, пытаясь ухватить ручками. Девушка отвела их, запеленала, подняла полные благодарности глаза на Ивана.

– А вы где этому научились?

– Жизнь и не такому научит, – лейтенант выбирал березку, с какой можно было посмотреть окрест. Мгновение назад до него долетело эхо выстрела. Или показалось? – Что ты «выкаешь» со мной, Гиля? Мы же почти ровесники, мне двадцать два года, скоро двадцать три. Разве это разница, чтобы на «вы»?

– Хорошо, – просто ответила та. – А что ты собираешься делать?

– Ты ничего не слышала минуту назад? Мне послышался выстрел. Хотел подняться повыше, осмотреться вокруг.

– И мне послышалось, но я не стала говорить, думала – показалось.

– Так больше не делай, – лейтенант замер – до них явно долетели звуки выстрелов. – Обо всём, что покажется подозрительным, сразу же сообщай мне. Во, слышишь? Пулемет поливает. Оставайся здесь, я – на разведку.

– Нет, нет, только не это! – девушка кинулась к Прошкину, загородив ему дорогу. – Я боюсь, боюсь! – глаза округлились, губы задрожали, слезы потекли ручьем. – Не оставляй нас, я боюсь! Я не выдержу одна, сойду с ума! Мне страшно!

– Хорошо, хорошо, успокойся, – Ваня понял состояние девушки, взял за плечи, отвел в сторонку, посадил под березу. – Только не кричи. Видишь, ребенок спит. Я тебя никогда не брошу, не бойся. Садись, нам надо обсудить наши дела.

Девушка безропотно подчинилась, с надеждой смотрела

на своего спасителя, не выпуская из рук спящую племянницу.

А день уже клонился к вечеру. Спала жара, на смену ей спешила ночная прохлада. Стихли выстрелы, на землю опускалась тишина. Только комары все никак не желали уйти на покой и все настырней и настырней звенели, норовили облепить любой участок тела.

Гиля веточкой отгоняла комаров и от Хаи, и от себя. Лейтенант сидел на траве, поджав ноги по-турецки, в очередной раз чистил винтовку.

– Сначала я расскажу немного про себя, потом ты про себя расскажешь. А то как-то неудобно – вроде вместе, а друг про друга ничего не известно.

Рассказывал долго, обстоятельно, еще и еще раз прокручивая в памяти все события, свидетелем и участником которых был; о людях, что попадались на его пути за этот короткий срок с начала войны. Про знамя полка умышленно не упомянул.

Гиля слушала, не спуская с рук ребенка, сама не знала, с чего начать разговор. Слишком свежи были воспоминания, спазм перехватывал горло, глаза наливались слезами. Прошкин прекрасно понимал это и потому не торопил.

Он смотрел на ее растрепанные длинные волосы, которые в сумерках стали приобретать пепельно-серый цвет, сливаясь с лицом хозяйки.

– А у тебя какие волосы были? – не выдержал, спросил

Гилю. – Имею в виду цвет.

– Черные, конечно, – ответила девушка. – Ведь я еврейка, а у нас волосы как правило черные.

– Так это евреев расстреливали? – до лейтенанта вдруг дошло, что когда он видел колонну людей, то военных среди них не было. – А за что? Воевали против немцев? Оказали сопротивление?

– Не знаю. Наверное, потому что евреи.

– Дикость какая-то. Так не бывает. Я понимаю, когда военные, с оружием в руках. Но чтобы вот так? Дикость, – повторил еще раз, и надолго замолчал. – Даже с пленными нельзя так поступать, они же безоружные.

– Законы пишутся для нормальных людей, а это – звери, хуже зверей, – девушка снова заплакала, уткнув лицо в покрывальце на ребенке.

– Извини, давай об этом пока не будем. Надо думать, что делать дальше, как быть сейчас. Я так понимаю, что девчонкой займешься ты, а мне надо на ту сторону фронта к своим. Я – офицер, и мое место должно быть на фронте. Ты где останешься? Здесь? Или пойдешь куда-то?

– Ты хочешь нас бросить? – Гиля настороженно смотрела на Ивана.

– Если я правильно поняла, ты уходишь от нас?

– Да, час, другой побуду с вами, и – вперед! – взмахнул рукой куда-то в сторону. – Больше меня здесь ничего не держит. Самая большая проблема была с девочкой, но она уди-

вительным образом разрешилась, – довольная улыбка коснулась губ Ивана.

– А как же мы? – до этого мгновения она еще не думала ни о своём будущем, ни о племяннице. И вдруг этот вопрос встал перед девушкой непреодолимой преградой. То, что она не останется в местечке, это даже не обсуждается. Она боится представить, что ей придется вернуться домой. Кто ее там ждет? И что ее ждет в родном доме? – Ваня, а как же мы? – жалобно спросила Гиля, с ужасом представляя картину, что она останется в ночь рядом с оврагом одна с Хaeй на руках. – Не бросай нас, я тебя умоляю, – встала вдруг на колени и поползла к лейтенанту. – Нет, нет, я здесь никогда не останусь! Лучше сразу убей нас, застрели, только не это!

Лейтенант замешкался, не торопился с ответом, только усадил девушку рядом, приобнял за плечи. Заговорил тихо, боясь нарушить тишину ночи или разбудить ребенка.

– То, что мне надо за линию фронта к своим, ясно как божий день. И я дойду туда, чего бы это не стоило. Но вот что делать с тобой, с вами – я не знаю. По крайней мере, я не вижу вас рядом с собой. Подожди, не перебивай, – видя, что Гиля пытается вставить слово, остановил ее. – Ты сама подумай – несколько сот километров по лесам, болотам, без пищи, в любую погоду. Ладно, я солдат, и мне положено терпеть, а ребенок? Ты о нем подумала?

– Нет, это ты о нас подумай! – вдруг резко, зло произнесла Гиля, не до конца дослушав лейтенанта. – Мы идем с тобой.

Откажешься, бросишь, я сама пойду, одна, но только никогда не останусь здесь. Пусть мы погибнем в пути, только не вот так, как убивали нас сегодня! – плечи затряслись, задержались. – Такого больше не переживу.

Она плакала, прижимаясь к плечу лейтенанта. Ему было искренне жаль ее, ребенка, но он понимал, что идти с ними вместе – верх безрассудства: и сам не дойдешь, и их погубишь. В то же время не находил веских убедительных слов, чтобы отговорить девчонку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.